

Синжэнь ответил и, храня молчание, убрал вещи, после чего вышел из комнаты. За всё это время он так ни разу и не поднял на меня глаз. Неужели мой недавний сердитый взгляд так сильно его обидел?

Я бросил взгляд на мирно спящего Фэн Иня, на его крепко сжатые розоватые тонкие губы, и тяжело вздохнул. Коснувшись теплого чайника, я налил чашку чая, сделал глоток и, набрав воды в рот, осторожно перелил её Фэн Иню. Затем неторопливо вернулся к столу и допил оставшийся в чашке чай.

Этот чай заваривали на чистой родниковой воде с добавлением особых императорских листьев. Он оставлял на губах тонкий аромат, который ощущался и после того, как напиток достигался желудка. Сделав еще один глоток, я мысленно пожелал, чтобы этот вкус мог смыть и то мягкое тепло наших только что соприкоснувшихся губ.

Эх, по правде говоря, проснувшись сегодня утром, я собирался просто прогуляться и развеяться, но никак не ожидал, что явится Фэн Инь и всё обернется вот так. Выходить куда-то в таком виде и оставлять Фэн Иня одного в резиденции было бы неправильно, оставалось только дожидаться, пока он проснется.

Пока я предавался воспоминаниям, боковым зрением я заметил мелькнувший бледно-зеленый край одежды. Нажав на висок, я испытал крайнее недоумение. Похоже, в этой княжеской резиденции прятаться так, чтобы тебя вовсе не замечали, умел только один Синжэнь, да и у него вечно ничего не выходило.

— Что ты там вынюхиваешь? Ну-ка быстро входи! Кто-нибудь посторонний решил бы, что в княжеский дом залез вор, вот только воришка из тебя никудышный, — уголки моих губ дрогнули в усмешке, и я, продолжая смотреть на чайники, плавно кружащиеся на дне чашки, заговорил с тем, кто прятался за дверью.

Синжэнь сначала высунул голову, а затем неуклюже втиснулся в комнату. Виновато улыбнувшись и высунув кончик языка, он протянул: — А откуда хозяин узнал, что Синжэнь за дверью?

Я указал на краешек его одежды: — Одежду плохо спрятал.

Синжэнь с просветленным видом кивнул, всем своим видом показывая, что в следующий раз обязательно учтет эту оплошность.

— Делать нечего? — Синжэнь покачал головой, а затем тут же кивнул. Я улыбнулся и сунул ему в руки лежавший рядом бумажный веер: — Раз уж тебе так скучно, помахивай на меня веером, жарко ведь.

В такую жару я еще и распустил волосы — сам напросился на духоту.

— Хозяин, ваши волосы... — Синжэнь широко распахнул глаза и принялся разглядывать меня, что-то совсем тихо бормоча себе под нос. — Если бы я только что со спины взглянул, то решил бы, что это барышня из какой-нибудь благородной семьи...

Пока он это говорил, я преспокойно попивал чай, но после его последних слов чуть не поперхнулся.

Лицо мое потемнело: — Чушь несешь! Твой хозяин — мужчина, с чего бы мне становиться девицей? К тому же ты меня прекрасно знаешь, даже со спины меня нельзя спутать с женщиной.

Синжэнь виновато хихикнул, высунув кончик языка и обнажив два белых зуба, и принялся размахивать веером куда усерднее прежнего. Из-за этого две пряди у меня на лбу заплясали как попало, то и дело застилая глаза и щекоча брови — просто напасть какая-то! Плюнув на всё, я осушил чашку до дна, зажал те самые мешавшиеся длинные пряди под рукой и прилег, устроившись на согнутой руке в надежде подремать.

Стоило мне прикрыть глаза, как сон сморил меня по-настоящему. Сам не заметив как, я проспал так долго, что пропустил даже ужин.

Я глянул на соседнюю кровать: Фэн Иня там уже не было. Не знаю, в какой именно момент он ушел. Легкое накинутое мне на плечи одеяние мог принести либо он, либо Синжэнь — в такую жару бояться, что я простужусь, было довольно глупо, но всё же...

Поднявшись с постели, я перекусил на кухне чем попало, прихватил кувшин вина и отправился в задний двор подышать прохладой. Некоторое время я бесцельно блуждал взглядом по старой абрикосовой и, наконец, вернулся в комнату. Сначала мне хотелось побыть в саду подольше, но я боялся, что, оставшись там, снова засну и слугам придется нести меня обратно. Терять лицо в третий раз подряд мне совсем не улыбалось.

Усевшись за стол, я сорвал глиняную печать с кувшина, налил чашку и сделал глоток. Мне одновременно хотелось забыться и в то же время не хотелось терять рассудок. В туманной дымке воспоминаний всплыло прошлое: вот он улыбается так светло, словно сошедший с картины свитка, изящный и мягкий в каждом движении...

...

— Сыжань, я наконец нашел тебя...

Озаренный мягким светом человек по-прежнему улыбался своей привычной нежной улыбкой. Такая трогательная картина пробуждала воспоминания, и все они были пропитаны болью.

— Я же знал, я знал, что Сыжань не оставит меня одного...

Да, он бы не ушел. Мой Сыжань никогда меня не бросит.

Он отмахнулся от ребенка, бросившего в меня камешек, мягко улыбнулся, накинул мне на плечи свою верхнюю одежду и произнес то единственное, что я отчетливо расслышал:

— Я не уйду, ван.

Он сказал, что не уйдет. И этого было достаточно... Неважно, кто ты есть на самом деле, пока ты рядом — всё хорошо.

Хотя я прекрасно знал, что передо мной вовсе не тот, кого хранит мое сердце, я всё равно бросился к нему, вцепившись как утопающий за соломинку, и больше не хотел разжимать рук.

Я спасался бегством. Бежал от разбивающих сердце воспоминаний, бежал от мысли о том, что... его уже нет в мире Хуанцюань.

Прижатый к его груди, я вдыхал исходящий от него слабый чистый аромат и чувствовал невыразимое успокоение: — Сыжань...

Он лишь тронул губы улыбкой и глухо угукнул в ответ. Услышав это, я глупо рассмеялся, совсем как ребенок: — Сыжань...

В его объятиях я провалился в тяжелый сон. Мне приснилось багровое зарево, пропитанное тошнотворным запахом крови. Он лежал там, возле той самой абрикосовой, а его посеревшее лицо было лишено всякой жизни. На его теле зияли глубокие раны от клинка, из которых то и дело сочилась кровь...

Как же больно... Должно быть, ему невыносимо больно. Ведь это я должен был принять тот удар! Почему... почему он оттолкнул меня?!

Сыжань, ты... ты смеешься? Почему?! Зачем ты защитил меня, зачем оставил меня одного жить в этом мире?!

В ушах снова прозвучали слова, сказанные им тогда в лучах солнца: — Дурачок...

Дурачок...

Кто из нас двоих на самом деле больший глупец?

Дрожа от напряжения, я потащился вперед, протягивая руку, чтобы коснуться его лица, но стоило мне приблизиться, как он растаял прямо на моих глазах, растворившись в воздухе...

Я резко очнулся. Лицо было холодным от слез. Мне показалось, будто Сыжань улыбается мне и распахивает объятия, но в ответ я сжал лишь пустоту.

Сыжань...

Свернувшись калачиком в самом дальнем углу постели, я остекленевшим взглядом смотрел куда-то в пространство, надеясь, что так боль утихнет, или, может быть, втайне веря, что если смотреть на одно и то же место достаточно долго, Сыжань вернется.

Сыжань, я жду тебя. Ты ведь придешь за мной, правда?

В этот момент дверь со скрипом отворилась. Настороженно вскинув голову, я уставился на вход. Спустя мгновение передо мной предстал столь долгожданный Сыжань. В руках он держал миску — судя по всему, с едой, ведь я не ел уже целую вечность.

— Сыжань, Сыжань! — вскочив с кровати, я бросился к нему, забыв о ноющей боли в ногах, и радостно зазвал по имени.

Сыжань слегка нахмурил брови, осторожно поставил миску на стол и тихо произнес: — Ван, ваш покорный слуга... не Фэн Сыжань. Моя фамилия Гу, а имя — Цинхэн.

Он сказал, что его зовут Гу Цинхэн...

Я надулся, чувствуя, как внутри закипает возмущение: Врет! Какой еще Гу Цинхэн, это же самый настоящий Сыжань! Ишь ты, вздумал меня провести, думал, я куплюсь?

Он вздохнул, и слово «ладно» мягким эхом долетело до моих ушей. Поддержав меня под руку, он подошел к кровати вместе с миской: — Раны на ногах вана еще не зажили, незачем снова вставать. Лежите смирно.

Послушно улегшись, я изо всех сил закивал, обещая, что больше никогда-никогда не спущусь на пол.

Ведь если Сыжань рассердится, он может бросить меня и уйти без прощания, а допустить этого нельзя. Поэтому я должен быть послушным и не гневить его.

Довольно улыбнувшись, он зачерпнул ложкой нечто черное и густое из миски и поднес к моим губам: — Ван, выпейте это лекарство, и вам быстро станет лучше. Давайте...

Лекарство?! Это же лекарство! Одним взмахом рукава я оттолкнул ложку и рывкнул, едва сдерживая гнев: — Я не болен!

Возможно, из-за того, что мое движение оказалось слишком резким, он не успел отреагировать, и чаша с темным отваром целиком плеснула на пол. Несколько капель угодили даже на подол его одежды. Черные пятна на ослепительно-белых одеждах выглядели пугающе чужеродно и ярко. Следом за упавшей мишкой помрачнело и лицо самого Гу Цинхэна.

Лишь спустя мгновение до меня дошло, какую глупость я натворил...

— Прости, прости... я не со зла, Сыжань, не сердись, ладно? Я сейчас всё соберу, сейчас... — бормоча извинения и страшно боясь, что он действительно рассердится и уйдет от меня навсегда, я кубарем скатился с кровати. Дрожащими пальцами я принялся слизывать или сгребать расплескавшееся лекарство, пытаюсь вернуть каждую капельку. Разумеется, собрать пролитую жидкость не получалось, зато я тут же порезал руку о какой-то осколок до крови.

Краем глаза я заметил, что он наклонился. Лицо его было мрачнее тучи — очевидно, он был в гневе. Охваченный ужасом и паникой, я рухнул на пол: — Прости, прости меня, это всё я виноват, во всем виноват я... — Подскочив на ноги, я, не разбирая дороги и не глядя на странное выражение в его глазах, бросился вон из комнаты.

Исчезнуть. Я должен исчезнуть, чтобы больше не злить Сыжаня, ни в коем случае!

Спотыкаясь и падая, я бежал по улицам под брезгливыми взглядами прохожих, смотревших на меня как на безумца. Босые ноги кололо о мелкие острые камни.

Сыжань... Наверное, он теперь смотрит на меня с таким же отвращением. Ничего страшного, я исчезну, будет лучше, если меня не станет...

В конце концов силы оставили меня. Забившись в тесный и темный тупик на углу улицы, я сполз по стене. Стопы были изрезаны камнями в кровь, некоторые осколки вонзились глубоко в плоть, причиняя невыносимую, пронзительную боль. Впрочем, разве могла эта боль сравниться хотя бы с сотой долей той раны, что рассекла мне сердце?

Сыжань, я так скучаю по тебе...

Если я тайком вернусь, он ведь не прогонит меня? Разве он разозлится? Хм... Если спрятаться где-нибудь в тени, чтобы он не заметил, должно быть, всё обойдется.

Прекрасно понимая всю глупость своих мыслей, я всё же позволил уголкам губ подняться в жалкой, безумной и лукавой улыбке.

Я уже попытался подняться, как вдруг яркий свет, едва проникавший в узкий переулок, полностью загрозила чья-то фигура. Пришедший был одет в яркие желтые одежды, гладкие черные волосы спадали на спину, а чуть прищуренные фениксовы глаза выражали явное изумление, смешанное с жалостью. Он приоткрыл рот: — Дядюшка...

Я широко распахнул глаза и в недоумении уставился на него.

Он сказал «дядюшка»? Какой еще дядюшка?

В голове вихрем закрутились обрывки чужих голосов и воспоминаний:

Кто-то говорил: — Дядюшка, меня зовут Фэн Инь.

Кто-то говорил: — Цзыцин, мне... не нравится, когда ты проводишь время с братом Сыжанем.

Кто-то кричал: — Цзыцин! Не подходи туда!

Кто-то шептал: — Цзыцин... забудь его...

Кто-то звал: — Дядюшка...

Голова раскалывалась от боли. Я отчаянно затряс головой, пытаюсь вытряхнуть оттуда этот шум.

Какие еще дядюшки, какой Цзыцин, я никого не знаю, слышите, никого!

Зажмурившись, я почувствовал, как сдерживаемые воспоминания прорывают плотину, затопляя разум, тело, каждую косточку.

Мы же почти забыли об этом! Зачем ты бередишь раны, Фэн Инь?

Когда я снова открыл глаза, в них плескалась лишь жажда мести. Уставившись на те самые фениксовы глаза полным ненависти взглядом, я бросился вперед и впился пальцами в его горло, заглушая голос рассудка: если бы не его вмешательство, Сыжань бы не... Это он во всем виноват!

Он даже не попытался увернуться, позволяя мне с каждым мгновением всё сильнее сжимать пальцы. Когда он уже начал задыхаться, на его губах вдруг появилась та самая до боли знакомая мягкая улыбка. С трудом подняв руку, он коснулся моих нахмуренных бровей. В его взгляде не было ни страха, ни злобы — лишь бесконечное спокойствие.

Казалось, пока это поможет мне утолить боль, ничто другое не имело значения. Даже собственная жизнь.

Я растерялся. Мелко задрожав, я разжал пальцы. Почему... почему Фэн Инь поступил так?

Глядя на то, как он отпрянул назад и зашелся в надсадном кашле, я осознал истину, и почва ушла из-под ног. Резко оттолкнув его, я заковылял прочь, унося с собой горечь неразрешенной обиды и спасаясь бегством.

Не знаю, сколько я бежал. Выбившись из сил, я снова забился в какой-то городской угол и закрыл глаза, пытаясь вспомнить всё лучшее, что было в Сыжане — каждый его взгляд, каждую улыбку, прекрасную и чистую...

За этими мыслями я снова заснул. Проснувшись в следующий раз, я обнаружил себя в собственной постели в княжеской резиденции. Поздняя осень принесла с собой прохладу, но тело укрывало тяжелое теплое одеяние — очевидно, чтобы я не простыл. Даже торчавшие из-под одеяла ноги были старательно обмотаны белой тканью, не оставляя холоду ни единого шанса.

Сидевший у изголовья человек повернулся ко мне и мягко улыбнулся: — Ван, вы проснулись. Нога еще болит?

Глядя на его лицо, в котором смешались черты родного человека и чужака, я на мгновение замер. Моргнув, я растерянно выдохнул: — Сыжань!

Да, именно так всё и должно быть. Забыть. Постепенно забыть причину всех страданий, чтобы однажды, окрепнув духом, вспомнить всё заново. Время еще есть.

Он улыбнулся и поднял стоявшую на столике миску: — Ван, если хотите, чтобы раны быстрее зажили, выпейте это.

Пристально глядя в его серьезные глаза, я смущенно закивал. Если раны не заживут и мне снова запретят вставать, я просто сойду с ума в четырех стенах.

Взяв из его рук чашку, я задержал дыхание и в несколько глотков опустошил ее. Под его теплым, почти родительским взглядом я натянул одеяние по самые плечи и вновь погрузился в глубокий сон.

Сквозь дрему до меня донесся его облегченный вздох: — Ну вот, если ван попьет это лекарство еще несколько дней, задание, данное императором, будет выполнено. Тогда можно будет вернуться в резиденцию и сыграть свадьбу с Ляньэр.

Тихий смешок.

Свадьбу?.. Ни за что! Мой Сыжань не может жениться на другой! Сыжань принадлежит только мне, и никому больше не позволено на него претендовать.

Так дни и тянулись: сон сменялся приемом лекарств и едой. Странно, но, несмотря на то, что

спать до полудня было приятно, меня не покидало ощущение, будто я что-то упускаю. С каждым днем на душе становилось всё тяжелее.

По ночам мне ничего не снилось, но каждое утро я неизменно заставал у своей постели девушку в ярко-желтых одеждах. Из разговоров с Сыжанем я выяснил, что никакая это не девица, а сам нынешний император, мой августейший племянник по имени Фэн Инь.

Иногда Фэн Инь навещал меня и днем. Он терпеливо повторял: он — Фэн Инь, я — Фэн Цзыцин, он — император, а я — князь Сян, он — мой племянник, а я — его дядя. И так далее.

Слушая всё это, я не знал, смеяться мне или плакать. Неужели этот Сын Неба, мой племянник, всерьез принимал меня за безумца?

Оторвавшись от воспоминаний, я сделал еще один глоток вина, усмехнувшись собственной былой глупости. Разве бегством можно решить хоть какие-то проблемы?

И всё же, как выяснилось, я снова выбрал забвение. Мне казалось достаточно помнить одного лишь Сыжана, а всё остальное можно вычеркнуть. Так оно, пожалуй, и вышло: я позабыл всё на свете, оставив в памяти лишь одно имя — Сыжань. самого человека я забыл напрочь, стер из памяти подчистую, но, к счастью, в моей душе навсегда осталась его привычная мягкая улыбка.

Горько усмехнувшись, я допил вино. Вспомнив Цинхэна — зардевшегося на постели, прекрасного в своем смущении, пылкого и нежного, мудрого и упрямого, окружившего меня столь трепетной заботой — я понимал, что все эти грани принадлежали одному человеку, готовому явить их все лишь мне одному.

Теперь же думалось, что в будущем Цинхэн больше никогда не откроет мне свою душу. Все свои нежные чувства он теперь будет дарить лишь своей прекрасной молодой жене.

Я больше не смел касаться его тепла. Как ни смешно, но даже будучи столь эгоистичным, я всё еще смел надеяться на какую-то нежность — какая же это глупость, какое безумие! Хотя, поделом мне. Судьба моя — коротать века в одиночестве.

Полная луна сияла за окном. Сидя в одиночестве с бокалом вина, я предавался тысячам тревожных дум, но даже пустой кубок не мог принести забвения.

Завтра наступит день свадьбы Цинхэна. Что же мне делать?

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что солнце уже поднялось высоко. Еще чуть-чуть, и я проспал бы это торжество. Протерев сонные глаза, я позвал ожидавшего за дверью Синжэня, чтобы привести себя в порядок. После завтрака мы вышли за ворота и увидели там ожидавшего нас с улыбкой Фэн Иня. Он пришел без наложниц, взяв с собой лишь слугу и

свадебный подарок.

И правда, приглашение для государственного наставника прибыло прямым из императорского дворца.

Странное дело: за столько лет Фэн Инь сменил немало наложниц, но так и не назначил императрицу. Удивительный человек! Сколько бы дамы из его гарема ни грызли друг друга за этот титул, самого его это нисколько не тяготило. Напротив, он находил время прогуливаться по увеселительным заведениям, явно ни на грош не заботясь о делах гарема, словно наблюдая за всем происходящим со стороны, как за интересным представлением.

Я слегка поклонился ему, испытывая некоторое удивление: — Раз уж император прибыл, почему вы не вошли внутрь?

Ждать на улице было совершенно не в стиле Фэн Иня. Неужели сегодня солнце взошло не с той стороны?

Уголки губ Фэн Иня приподнялись, а брови взлетели вверх: — Я и сам только что подошел. Подумал, что ты как раз собираешься выходить, вот и решил не заходить внутрь.

Меня осенило: — Вот оно как! Ваше Величество мудро!

Мои слова вызвали у Фэн Иня еще более широкую улыбку. Лениво поигрывая веером, он первым зашагал в сторону Резиденции государственного наставника, а я поплелся следом, не спеша и не отставая.

Чем ближе мы подходили к Резиденции государственного наставника, тем сильнее, подобно испуганному оленю, колотилось мое сердце, не затихая ни на секунду. Стоило же оказаться прямо у ворот, как пульс подскочил к самому горлу, вызывая странное, щемящее чувство тоски.

Сегодня Резиденция государственного наставника гудела как растревоженный улей. Куда ни кинь взгляд, везде толпились гости — кто стоял, кто сидел, а гул голосов и смеха не смолкал ни на минуту. Ярко-красные шелковые ленты и полотнища, развешенные повсюду внутри и снаружи резиденции, бросались в глаза своей алой пестротой, от которой мне почему-то сделалось больно.

Стоявший у входа слуга почтительно принял у нас с Фэнь Инем пригласительные билеты и подарки, после чего отошел в сторону.

Фэн Инь неторопливо шел впереди, поигрывая веером, и по его довольному виду можно было легко догадаться, что настроение у него отличное. Едва он переступил порог резиденции, как оживленный гомон и смех гостей мгновенно стихли. Наступила такая тишина, что, кажется,

было бы слышно, как упадет иголка. Я послушно семенил позади Фэн Иня, с внутренним весельем наблюдая за ошеломленными лицами людей, которые вытаращили глаза на императора.

И правда, внешность Фэн Иня была слишком выдающейся. Судя по выражениям лиц окружающих, каждый из них готов был проглотить его целиком, даже не поперхнувшись костями.

А сам Фэн Инь словно и не замечал всеобщих взглядов. Он продолжал неспешно шагать вперед, непринужденно взмахивая веером.

Поистине человек, созданный привлекать всеобщее внимание.

Кто-то из чиновников, присутствовавших на приеме, с первого взгляда узнал императора и тут же рухнул на колени с криком «Да здравствует император!». Примеру этого смельчака последовали и остальные гости, в едином порыве падая ниц.

Еще с порога Синжэнь и личный слуга Фэн Иня куда-то умчались, увлеченные детской игрой в догонялки, и теперь в просторном дворе остались лишь мы вдвоем — стоящие посреди распростертой ниц толпы. Зрелище получалось неловкое до крайности, мне так и хотелось последовать общему примеру и опуститься на колени, чтобы всю затянуть здравицы...

Фэн Инь бросил на меня взгляд, сложил веер и... неожиданно умолк.

И что теперь делать?..

Положение спас Цинхэн. Неизвестно, чем он был занят в комнатах до этого, но сейчас он как раз вышел к гостям и столкнулся с этой невообразимой сценой. Окинув взглядом застывших людей, он глубоко поклонился и опустился на колени.

Разомкнув губы, он произнес до боли знакомым голосом: — Ваш покорный слуга приветствует Ваше Величество. Прошу прощения за то, что не встретил вас у ворот, и уповаю на милосердие государя.

Это...

<http://bllate.org/book/21938/2279248>